

использовались революционной публицистикой. При этом гоголевская сатира служила как для борьбы с русской самодержавно-крепостнической реакцией, так и для критики буржуазного Запада.

Белинский писал о том, что западноевропейские «парламентские мерзавцы» в искусстве обмана и мошенничества оставили далеко позади и русского Чичикова, и русских чиновников-взяточников. В буржуазных государствах Европы, по его словам, «те же Чичиковы, только в другом платье: во Франции и в Англии они не скупают мертвых душ, а покупают живые души на свободных парламентских выборах! Вся разница в цивилизации, а не в сущности. Парламентский мерзавец образованнее какого-нибудь мерзавца нижнего земского суда; но в сущности оба они не лучше друг друга».

Чернышевский много лет спустя, развивая мысль Белинского о жизни буржуазного Запада, утверждал, что «во Франции, как и повсюду, есть свои Маниловы и Чичиковы». Если «Германия, довольно скудная Чичиковыми, приобзобилует Маниловыми», то «англичане мало расположены к маниловщине, как народ сухой, а Чичиковы там заняты биржевыми и фабричными проделками».

Широкое использование гоголевских образов для разоблачения пороков буржуазной цивилизации Запада и Америки — ярчайшее свидетельство обобщающей силы и глубины его сатиры, живое доказательство того, что она направлена против основ всякой эксплуатации. Поэтому так часто обращались к сатирическим образам Гоголя великие вожди социалистической революции В. И. Ленин и И. В. Сталин, используя их в борьбе против врагов рабочего класса, против врагов нашего советского государства, а также для критики пережитков капитализма в быту и сознании людей.

Если живые наблюдения русской жизни и влияние передовых идей Белинского способствовали могучему расцвету реалистического таланта Гоголя, то, наоборот, длительное пребывание вдали от Родины и

влияние реакционных друзей привело писателя к тяжелому духовному кризису. Представители реакционного лагеря русской литературы стремились изолировать Гоголя от идейного влияния революционеров-демократов, толкали своими советами на ложный путь. Именно этим объясняются творческие неудачи Гоголя в работе над вторым томом «Мертвых душ», что привело его и к поступку, в котором он раскаивался впоследствии, — к изданию книги «Выбранные места из переписки с друзьями».

Белинский ответил на эту книгу статьей в журнале «Современник» и затем своим знаменитым письмом к Гоголю, которое В. И. Ленин назвал «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати». Великий критик сурово осудил Гоголя за то, что он в своей «фантастической книге» взял на себя чуждую ему роль проповедника реакционных идей.

Это гневное письмо, исполненное искренности и страсти, глубоко потрясло писателя.

Позднее Гоголь говорил: «Правда, я во многом виноват, виноват тем, что послушался друзей, и если бы можно было воротить назад сказанное, я бы уничтожил мою «Переписку с друзьями». Я бы сжег ее».

Тяжелая болезнь подорвала физические и нравственные силы писателя и не дала ему времени и сил преодолеть свое трагическое заблуждение.

«Как ни велики твои ошибки, мучения скорбной мысли и благих стремлений, но ты был одним из благороднейших сынов России, и безмерны твои заслуги перед Родиной», — писал о нем Чернышевский.

Вождь русской революционной демократии Чернышевский посвятил одну из первых своих крупных работ разъяснению громадного значения творчества Гоголя для русского освободительного движения, для развития русской литературы. В «Очерках гоголевского периода русской литературы» он писал: «Давно уже не было в мире писателя, который был бы так важен для своего народа, как Гоголь

для России». Подчеркивая великое национальное значение и самобытность Гоголя, Чернышевский в то же время утверждал и его мировое значение.

Революционно-демократическая критика показала роль и значение Гоголя в развитии русского литературного языка. Защищая великого писателя от нападок литературных староверов, которые упрекали его в «грубости», «вульгарности», Белинский, Чернышевский, Добролюбов подчеркивали подлинную народность его поэтической речи.

Революционно-демократическая критика указывала на громадное определяющее влияние, которое творчество Гоголя оказало на развитие реалистической русской литературы, на таких писателей, как Герцен, Некрасов, Гончаров, Тургенев, Островский, Салтыков-Щедрин.

Да и сами эти писатели утверждали плодотворность гоголевской традиции. «Надо желать, чтобы по стопам его шли молодые писатели в России», — писал Некрасов.

В сознании революционно-демократических писателей 60-х годов имя Гоголя было неразрывно с именем Белинского. Целую эпоху в развитии русского общества и русской литературы они называли «эпохой Белинского и Гоголя». Некрасов мечтал о том времени, когда эти имена станут близки и дороги миллионам трудового народа,

Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого.
Белинского и Гоголя
С базара понесет.
То имена великие,
Носили их, прославили
Заступники народные!
Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать.

Имена Белинского и Гоголя ставит рядом В. И. Ленин, как имена крупнейших представителей передовой, демократической литературы в России.

Цитируя первые четыре строки приве-

денного отрывка некрасовской поэмы, В. И. Ленин писал в 1905 году: «Желание для одного из старых русских демократов «временчю» пришло. Демократическая книжка стала базарным продуктом. Темы идеями Белинского и Гоголя, которые делали этих писателей дорогими Некрасову — как и всякому порядочному человеку на Руси — была пропитана сплошь эта базарная литература».

Только советский строй, обеспечивший широчайшим массам трудящихся возможность образования и развития, привел к полному осуществлению мечты Некрасова. Белинский и Гоголь так же, как все лучшие писатели русской классической литературы, любимы десятками миллионов простых советских людей.

Не случайно в 1918 году, когда в молодой советской республике впервые было организовано массовое издание классиков — Гоголя и Белинского, Чернышевского и Тургенева, Л. Толстого и Чехова, на обложке каждой книги было напечатано то самое некрасовское четверостишие, которое цитировал Ленин.

Исполнилось предсказание Белинского: «Еще много времени пройдет, и много новых поколений выступит на поприще жизни прежде, чем Гоголь будет понят и оценен по достоинству большинством». Теперь, когда все богатства и достижения культуры стали достоянием трудящихся масс, Гоголь понят и оценен по достоинству многомиллионным советским народом.

Со дня смерти Гоголя прошло сто лет. Прогрели над безмерными просторами нашей Родины великие события. Народ совершил три революции, уничтожил навсегда угнетение человека человеком, строит новый справедливый и светлый мир коммунизма, но произведения великого русского писателя продолжают жить и в наши дни, вооружая нас ненавистью к врагам Родины, воспитывая благородное презрение к пошлости и лживости, лживости и стяжательству — ко всему, что унижает и уродует человека.